

Очень часто ироническая интонация создается у Карамзина (так же как у Стерна) при использовании мифологических образов в бытовом, житейском контексте. Особенно это было заметно в журнальной редакции «Натальи, боярской дочери». Вот пример:

Редакция «Московского журнала»

Довольно знать и того, что боярская дочь могла б быть образцом Дионеи для живописца или четвертою грациею и что, видя ее у обедни, самые богомольные старики забывали класть земные поклоны.¹³

Издание 1803 года

Довольно знать и того, что самые богомольные старики, видя боярскую дочь у обедни, забывали класть земные поклоны...¹⁴

Подобных примеров можно привести очень много. Все они говорят о том, что в дальнейшей работе над повестью Карамзин от этой манеры освобождался.¹⁵ Однако журнальный вариант позволяет обнаружить литературную школу Карамзина, его зависимость от Стерна.¹⁶

Начиная с «Юлии», т. е. с середины 90-х годов, писатель пересматривает свой взгляд на чувствительность. Сейчас полнее, чем прежде, он видит ее органическую связь с рационализмом и стремится преодолеть ее односторонность.

С наибольшей полнотой и очевидностью это новое, более сложное отношение к Стерну проявилось в «Рыцаре нашего времени». Это синтетическое произведение, в котором суммированы достижения Карамзина-прозаика за весь прежний период.

Вполне откровенно идя от традиций Стерна и Руссо, Карамзин осуждает рационализм в изображении человеческого характера. Он иронизирует над самим рационалистическим принципом деления героев на злодеев (от начала до конца) и добродетельных (тоже от начала до конца), когда добродетельные «несмотря на многочисленные искушения рока, остаются добродетельными», а злодеи «описываются самыми черными красками» и, «наконец, как прах, исчезают» (ИС, с. 765). Карамзин стремится вслед за Стерном разрушить условную традиционную форму романа. Этому служили и такие типично стерновские средства отталкивания от классицистической поэтики, как причудливое построение глав, своеобразная игра романной формой, особенно в первой части

¹³ Московский журнал, 1792, ч. VIII, с. 22—23.

¹⁴ Соч. Карамзина, т. 6. М., 1803, с. 152.

¹⁵ Более подробно см. об этом: Канунова Ф. З. Из истории русской повести. (Историко-литературное значение повестей Н. М. Карамзина). Томск, 1967, с. 94—98.

¹⁶ Определенное влияние Стерна на Карамзина в «Наталье, боярской дочери» было отмечено и англичанами. В предисловии к английскому изданию произведений Карамзина 1804 г. автор издания проводит параллель между Карамзиным и Стерном и считает, что Карамзину удалось обнаружить «полное понимание всего, что создал этот восхитительный автор». При этом предпочтение отдается «Наталье, боярской дочери». Цитирую по ст.: Cross A. G. Karamzin and England, p. 112.